

Язык и этнос — одна из наиболее традиционных и в то же время дискуссионных проблем, когда-либо стоявших перед этнографической наукой. Не нова она и для лингвистов, которые со времен становления сравнительно-исторического языкознания уделяли определенное внимание не только языку, но и его носителям. На первых порах этот вопрос решался с наивной прямолинейностью: язык всегда отождествлялся с этносом. Позже более глубокое знакомство с реальной действительностью потребовало выработки нового, более гибкого подхода, однако еще сравнительно недавно многие авторы все же подходили к этому вопросу довольно поверхностно. Да и как могло быть иначе, если лишь немногие вплотную обращались к изучению социальных функций языка в конкретной обстановке?

Существенные сдвиги в этой области произошли в последние десятилетия, когда в составе лингвистики выделились два новых близкородственных направления: социо- и этнолингвистика. Эти науки еще очень молоды, их теоретические установки и терминологический аппарат только формируются, а предмет исследования представляется не всегда достаточно четким. И тем не менее, как свидетельствует рецензируемая монография, они уже сейчас способны внести весомый вклад в науку.

Лейтмотивом книги служат взятые авторами в качестве эпиграфа слова выдающегося французского лингвиста А. Мейе о том, что язык развивается в социальной среде. Действительно, введение социального параметра значительно углубляет представления о языке, делая его более многообразным и, можно сказать, многомерным явлением. Но социальную среду можно понимать по-разному, и на этом основано разграничение этнолингвистической и социолингвистической проблематики. Первая, по мнению авторов, «ориентирована прежде всего на языковое выражение особенностей этнической духовной культуры...», а второе — «на языковое выражение различий между группами (слоями, классами)... в пределах некоторой этнической единицы или совокупности таких единиц» (с. 5). Думается, что эта характеристика не совсем полна и кое в чем может быть расширена. Так, задачей этнолингвистики более правомерно считать изучение характера самого использования языка разными этносами и отражения в языковых явлениях специфики культуры и социальных особенностей того или иного этноса. В целом соотношения между социо- и этнолингвистикой заключается, видимо, в том, что объект первой — общесоциологическое в языке и языковой среде, независимо от этнического фактора, а объект второй — особое, т. е. явления, порожденные именно этническим фактором. Вместе с тем, как справедливо указывают авторы, на практике эти аспекты далеко не всегда удается разграничить, в особенности если речь идет об обществах, подобных африканским, где отдельные социальные группы нередко имеют разное этническое происхождение. В частности, это нашло отражение в теоретической части рецензируемого издания, где исследователи уделяют внимание этнической ситуации (с. 26—33), и в самой направленности исследования, главную цель которого составляют анализ языковых процессов в современной Западной Африке в их прямой связи с этническими процессами и выработка прогнозов относительно судеб тех или иных языков в различных этнических средах.

Специфика Западной Африки состоит в том, что государственные, этнические и лингвистические границы здесь чаще всего не совпадают. Одна из главных причин этого, подчеркивают авторы, связана с наследием колониализма, однако, как представляется, корни сложившейся ситуации уходят глубоко в доколониальное прошлое. Эти обстоятельства заставляют искать особый подход к изучению среды бытования языка, и для ее анализа авторам приходится вводить новое понятие *коммуникативной среды* (КС), «которая определяется как исторически сложившаяся этносоциоязыковая общность, характеризующаясь относительно стабильными и регулярными внутренними коммуникативными связями и определенной территориальной локализованностью» (с. 9). КС состоит, как правило, из разных этнических блоков и лишь в виде исключения совпадает с единым этноязыковым сообществом. КС выделяется по коммуникативным признакам, и ее границы не совпадают ни с границами этнических единиц, ни с границами отдельных языков. На первый взгляд, понятие КС кажется несколько аморфным, но его умелое применение к конкретным ситуациям может, как демонстрируют авторы, привести к весьма существенным выводам. Именно оно позволяет не только уловить, но и, что много важнее, объяснить вариативность языковых явлений как в условиях бытования единого языка в многоэтнической среде, так и в обстановке использования нескольких разных языков в рамках одного этноса.

Так, исключительный интерес представляют собранные в гл. V данные о судьбах дисперсного языка фула, главными носителями которого являются фульбе, до сравнительно недавнего времени представленные преимущественно скотоводами-кочевниками. Отдельные группы фульбе живут изолированно друг от друга в иноэтничном окружении (причем отсутствует и какой-либо центр, к которому все они могли бы тяготеть). Этому соответствует разнообразие языковых ситуаций: от абсолютного доминирования языка фула у одних групп до его полной утраты у других. Но независимо от этого все фульбе отличаются высоким уровнем развития этнического самосознания, в основе которого, по мнению авторов, лежат особый образ жизни (кочевое скотоводство) и представление о наличии единоплеменников, обитающих в иных, самых разнообразных местах, пусть и весьма отдаленных. Ситуация усложняется тем, что в среде фульбе имеются иноэтнические сервильные и ремесленные группы, утратившие родной язык и перешедшие на язык фула. В этих условиях создаются предпосылки для формирования новой этнической общности, обозначаемой термином «пулааку», охватывающим «фульбе-

ский мир» в целом, независимо от этнического происхождения отдельных его членов. Таким образом, «понятие „фульбе“, вопреки его узкоэтническому значению, начинает наполняться новым содержанием, важнейшим ингредиентом которого становится тождественность по языку» (с. 100).

Зато в ареале языка хауса этнические процессы не имеют столь же однонаправленного характера. Если малые народы Нигерии, переходя на хауса, соответственно меняют и свое этническое самосознание, то фульбе Центральной Нигерии, несматривая на отказ от родного языка, громко сохраняют прежнюю этническую идентификацию (с. 109).

Для характеристики КС исследователи разрабатывают детальную типологию, основными компонентами которой являются этнические, языковые и разнообразные социоэкономические и социокультурные параметры (гл. II). При всей ценности разработанной ими схемы некоторые возражения вызывает стремление авторов противопоставить этническую и языковую ситуации, играющие важнейшую роль в их исследовании, всем остальным (политической, экономической, социальной, культурной и т. д.), будто бы второстепенным (с. 38). На деле это ведет к обеднению исследования, так как сужает роль политических, экономических, социокультурных и других параметров в развитии социолингвистической среды и ее функционировании. Понятно, что в центре внимания авторов находятся языки как один из важных объектов изучения и этносы как носители языков. Однако все остальные факторы, которые авторы называют «внешними» (с. 38—46), формируют облик этнических общностей и устанавливают рамки и характер их функционирования, а также, что особенно важно, определяют, какие именно этносы, почему, в какой мере и как вступают между собой в контакт. Эти же факторы определяют и направление этнических процессов. Впрочем, авторы не претендуют на создание сколько-нибудь окончательной универсальной модели и отчетливо сознают необходимость ее дальнейшей разработки (с. 7), что потребует, по-видимому, некоторого смещения акцентов в соотношении указанных ими «компонентов коммуникативной ситуации».

Вместе с тем в ходе анализа конкретных явлений исследователи дают достаточно сбалансированную оценку разнообразных факторов. Они подразделяют Западную Африку на три социолингвистические зоны: внутреннюю (суданскую), береговую (гвинейскую) и среднюю (лесную) (с. 64). В каждой из этих зон в силу тех или иных исторических условий сложилась своя специфическая этноязыковая ситуация. В суданской зоне еще в доколониальный период возникла местная государственность с весьма своеобразным характером урбанизации. Здесь широко распространено двуязычие, и этническая дробность гораздо выше языковой. В качестве языков межэтнического общения в этом регионе выступают языки тех народов, которые составляли этническое ядро больших государственных образований и которые нередко являются референтной группой для более мелких иноэтнических групп (с. 68). В результате последние зачастую утрачивают свои прежние языки.

В береговой зоне доколониальные структуры были уничтожены или сильно деформированы в колониальную эпоху. Здесь недавно возникли крупные современные промышленные города и огромные плантационные хозяйства, ставшие центрами скопления значительного разноэтнического населения. Важным фактором было также возвращение сюда из Америки бывших рабов, утративших свой родной язык. Все это наряду с высоким престижем пропагандируемой миссионерами европейской системы образования ведет к распространению пиджинов и формированию на их основе креольских языков. Таким образом, в береговой зоне в отличие от внутренней языками межэтнического общения служат импортные языки (с. 72).

Между внутренней и береговой зонами лежит промежуточная лесная зона, где, с одной стороны, не возникало средневековых государств, а с другой — меньше ощущалось влияние колониализма. В результате здесь отмечается сильная этноязыковая дробность, сохранение многих черт древнего образа жизни и традиционной культуры и высокая степень трибализма. Вместе с тем и в этой зоне межэтническое общение ведет к широкому развитию двуязычия. Однако в таких условиях наблюдается преувеличенное подчеркивание диалектных различий и нежелание признавать близкое родство соседних языков. Поэтому при межэтнических контактах предпочтение отдается пиджинизированным формам местных или импортных языков.

Очень интересным представляется основанное на изучении ранних письменных источников предположение авторов о том, что в далеком прошлом на гвинейском побережье имелись коммуникативные среды именно лесного типа. Однако в дальнейшем возникла еще более сложная картина, когда «береговые» факторы наслоились на «суданские» (с. 75).

Скруплезно проведенное авторами исследование вводит в оборот новые, очень важные данные о роли языка в этнических процессах в различных районах Африки, которые до сих пор в этом смысле были известны нашей науке весьма мало. Некоторые выводы авторов по своему значению выходят далеко за пределы африканского материка и заставляют внести определенные коррективы в наши общетеоретические представления. Так, обычно считается, что наддиалектные кодифицированные формы языка складываются только с появлением письменности и это является важной предпосылкой этнической консолидации. Африканские же материалы показывают, что наддиалектные «стандартные» формы могут складываться и в условиях только устного функционирования языка. В ряде районов Западной Африки этому способствовала деятельность касты певцов-гриотов (с. 46). Этот факт заставляет по-новому взглянуть на роль устной эпической традиции в этнических процессах.

Таким образом, проводимые в настоящее время лингвистами исследования современных языковых ситуаций и процессов способны многое дать этнографам, позволяя

взглянуть на некоторые, казалось бы, традиционные проблемы под свежим углом зрения. Несомненно, сами лингвистические исследования в этой области могли бы стать глубже и четче, если бы лингвисты шире знакомились с достижениями этнографов. Это касается не только общетеоретических разработок и концепций, но и терминологии. Работа, безусловно, только выиграла бы, если бы вместо иностранных калек типа «сосьезитизация», «семейная резиденция», «маритальный принцип инцестофобии» и т. д. в ней использовались принятые в советской науке термины «социализация», «брачное поселение», «экзогамия» и т. д.

Итак, рецензируемое издание не только вводит в сборот новые важные факты, но и показывает, сколь много могут дать друг другу лингвисты и этнографы, как бы призывая к объединению усилий в решении сходных проблем.

В. А. Шнирельман